

“Крахоткі” 1996–1999 гадаў кампазіцыйна падобныя да ранейшых супастаўленнем з’яў прыроды і чалавечага жыцця. Так, “Ліственіца” пачыналася рытарычным выклікам: “Что за диковинное дерево!” [1, 607]. Здзіўленне апавядальніка выклікае здольнасць дрэва адраджацца, што родніць дрэва з многімі людзьмі. Шмат увагі ў “крахотках” канца ХХ стагоддзя адводзілася тэме жыцця і смерці (“Старэнне”, “Занавес”, “Змярканне”), дзе апавядальніцкая рэфлексія звычайна заканчвалася дыдактычнай сентэнцыяй, як у згадцы пра непазбежную старасць-змярканне: “Оно с высокой мудростью завещано нам людьми святой жизни. Понять этот замысел – не в резвой юности, когда мы тесно окружены близкими, родными, друзьями. Но – с годами» [1, 616].

У прозе Янкі Брыля мініяцюра стала самай распаўсюджанай мастацкай формай. Тэматыка мініяцюр, сфера асэнсавання жыццёвых з’яў у беларускага пісьменніка дастаткова шырокая, а іх мастацкая арганізацыя надзвычай разнастайная. У цэнтры твораў Я. Брыля былі пытанні быццёвыя і бытавыя, з’явы грамадскага і маральнага парадку. Сярод мініяцюр пісьменніка ёсць лірычныя па стылі, дзе выказваецца настрой апавядальніка, як, напрыклад, наступная: “А як гэта хораша – зноў пайшоў спорны, роўненькі дождж, ад якога ўнізе, пад маім акном на гарышчы, па траве ўцякаюць на веранду вясёлыя, загарэлыя, босыя ўнукі” [2, 149]. Значную частку мініяцюр складаюць творы, у цэнтры якіх знаходзіцца разважанне. Вельмі тыповыя для Брыля па змесце і форме наступныя мініяцюры: “Два вялікія выпрабаванні для чалавека – славай і паклёпам. Нялёгка іх пераносіць. І проста яны не праходзяць, не пакідаючы следу. Дый ці праходзяць?.. Моцнае і сталае пачуццё тугі па сапраўдным чалавеку. Пазнаеш, захапляешся, потым пазнаеш бліжэй – расчараванне і зноў туга” [2, 26]; “Кожнае дзіця – новае выданне чалавека, новае і нечаканае. Кожны дзень нечаканае, то вясёлае проста, а то і мудрае нечаканасцю” [3, 34]. Найчасцей мініяцюры Я. Брыля не ўтрымліваюць аўтарскіх ацэнак, а запрашаюць чытача да дыялога, як наступная, іранічная па сваім характары: “Старая хваліца: “Дзеці мае, дзякуй Богу, добра жывуць: самі не робяць, толькі другіх правяраюць” [3, 96]. Неабходна адзначыць, што гумар і іронія – гэта самыя распаўсюджаныя мастацкія сродкі ў мініяцюрах пісьменніка. Прызайк любіў ствараць і іранічныя мініяцюры ў форме дыялога персанажаў: “«– Я буду памятаць цябе да канца! – Як гэта мала... – А што я магу больш?!»” [3, 269].

Мініяцюрам Я. Брыля ўласцівы афарыстычнасць, сцісласць тэксту і аповеду, вычарпальная, нягледзячы на лаканічнасць, самахарактарыстыка суб’екта выказвання. Адносіны да з’яў рэчаіснасці у суб’екта аповеду там адкрытыя, непасрэдна, выразныя, ацэнка з’яў і падзей падкрэслена суб’ектыўная. Суб’ект выказвання выступае і аб’ектам мастацкага даследавання.

Заклучэнне. Зварот да мастацкай формы мініяцюры ў творчасці абодвух пісьменнікаў быў звязаны з дэмакратызацыяй грамадскага жыцця, з пошукамі новых шляхоў эстэтычнай ідэнтыфікацыі. Тыпалагічнае ў мініяцюрах беларускага і рускага аўтараў абумоўлены спецыфікай твораў, а адметнае – эстэтычнымі імператывамі саміх прызайкаў, сферамі іх мастакоўскай зацікаўленасці: у Брыля – гэта экзистэнцыйныя, бытавыя і нацыянальныя, маральныя пытанні, у Салжаніцына – нацыянальныя і экзистэнцыйныя. Падсветкай ідэі ў пісьменнікаў часта выступала яркая побытавая дэталі. У мініяцюрах А. Салжаніцына аўтарская пазіцыя выяўлена непасрэдна, у Я. Брыля – найчасцей праз пабудову твора, праз зварот да выяўленчых магчымасцей гумару, сатыры, іроніі.

1. Солженицын, А.И. Рассказы и крохотки / А.И. Солженицын. – М.: Астрель-АСТ, 2009. – 702 с.
2. Брыль, Я. Вячэрняе: лірычныя запісы і мініяцюры / Янка Брыль. – Мінск: Маст. літ., 1994. – 350 с.
3. Брыль Я. Сёння і памяць / Янка Брыль. – Мінск: Маст. літ., 1985. – 269 с.

ЯВЛЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ РЕГУЛЯРНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМ АНГЛИЙСКОГО И ЛИТОВСКОГО ЯЗЫКОВ

*Е.П. Бобрикова
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

В современной лингвистической семантике появляется интерес к выявлению однопольных, или унилатеральных, моделей семантической деривации. Очевидно, что на данном этапе представляется возможным выявить случаи семантической регулярности и найти общие модели, основываясь не на субъективных суждениях, а опираясь на данные релевантных эти-

мологических, частотных и толковых словарей, а также корпусов текстов[1]. В данной работе мы будем исходить из положения о том, что внутренняя форма слова «программирует» семантическую деривацию лексических единиц, вызывая случаи аналогии, выполняя регулирующую функцию в языке [2; 3; 4]. Доказательством повышенного интереса к семантическим деривационным моделям может послужить проект каталога семантических переходов под руководством Анны А. Зализняк [5].

Цель статьи – показать потенциал деривационных моделей на примере эволюции семантики английских и литовских лексем. Актуальность исследования обусловлена ретроспективным диахроническим подходом к материалу.

Материал и методы. Материалом послужили английские и литовские субстантивные лексемы с квантитативным значением неопределенного количества. Методом сплошной выборки были отобраны лексемы с интегральной семой ‘множество’. С помощью дефиниционного, компонентного и корпусного анализа была изучена семантика данных лексем.

Результаты и их обсуждение. Рассмотрим одну из продуктивных моделей семантической деривации ‘действие (движение или деструктивное действие) → неопределенное количество, множество (часто неодобр.)’. Проиллюстрируем данную модель на примере семантической деривации английской (далее: англ.) лексемы *mob* ‘толпа, сборище’ и литовской (далее: лит.) лексемы *minia* ‘толпа, группа людей’.

Лексема *mob* была впервые зафиксирована в английском языке в конце XVII в. со значением ‘беспорядочное и бунтующее скопление людей’ [6]. Лексема *mob* является словообразовательным дериватом от лексем *mobile*, *mobility*[6] и представляет собой сленговое сокращение [6]. В свою очередь, данные производящие лексемы восходят к латинской лексеме *mobilevulgus* ‘ненадежные, переменчивые простолюдины, чернь’ [6]. Внутренняя же форма лексемы *mob* связана с образами ‘движения, передвижения, мобильности’ (Ср.: лат. *mobilis* ‘мобильный’). В XVII в. лексема *mob* была зафиксирована в значении ‘простолюдины, чернь’ по отношению к низшим слоям общества. Как видно, смысловая структура лексемы *mob* пополнилось значением, которое было задолго до этого «запрограммированным» в семантике слова и входило в сокрытое пространство внутренней формы, которое до определенного момента может находиться в состоянии гибернации и актуализироваться в связи с лингвистическими или экстралингвистическими факторами на основе ассоциативных механизмов человеческого мышления. Большое влияние на развитие лексики оказала социально-экономическая ситуация в стране в тот период. К концу XVII в. оформляется еще один смысловой компонент лексемы *mob*: ‘сборище людей, множество, группа’ [6], а к середине XIX в. и началу XX в. оформляется еще два значения данной лексемы: ‘отряд, армейское подразделение (армейский сленг)’ [6] и ‘группа лиц, связанных с криминалом’. Такие изменения, вероятно, вызваны внелингвистическими факторами. Однако семантическое преобразование лексемы *mob* не противоречит внутренней форме слова, а наоборот, происходит в ее рамках: актуализируя или нейтрализуя необходимые семы. Так, в XX веке влияние итальянской мафии в США достигло своей высшей точки, и как следствие этого в американском варианте англ. языка лексема *mob* пополняется новой лексико-семантической единицей с негативной коннотацией: ‘люди, принадлежащие преступному миру’ [6]. Таким образом, семантическая деривация лексемы *mob* может быть представлена так: ‘*передвижение, переменчивость → беспорядочное скопление людей, масса людей, чернь → организованная группа лиц (отряд, криминальное сообщество) → множество людей (неодобрит.)’.

Согласно существующим лексикографическим источникам, лит. лексема *minia* ‘толпа, простолюдины’ восходит к лит. глаголу *minti* ‘двигаться, идти, наступать, топтать, давить’ (примерно XVII-XVIII вв.) [7]. Схожая деривация наблюдалась у прусской лексемы *pjrin*, *perōnin* ‘община’, которая образовалась от прусск. глагола *p̄rati* (*perq̄*) ‘топать, утаптывать’ (Ср.: русск. *переть*). Примечательно, что лит. лексема *minia* обладала дополнительным вариантом, обнаруженным в письменных источниках в районе г. Гарлява, – *zmyne* ‘количество, множество’, которая сформировалась в результате контаминации лит. лексемы *miniai* русск. *смин*, *сминание* ‘сминать, сминание’ [7]. Вероятно, такому явлению способствовала схожая внутренняя форма, точнее – образ «давления», который также позволил лексемам вступить в синонимическую связь. В современном литовском языке слово *minia* употребляется в значении ‘толпа, неорганизованная множество людей’ [7]. Лексема *zmyne* утратила свою значимость в результате диффе-

рениции синонимов и взаимодействия литовских диалектов. Как видно, внутренняя форма предопределяет возможные пути, тенденции развития семантики лексем. Семантическая деривация лит. лексемы *minia* (в т.ч. *zmyne*) и прусск. *pjrin* по модели ‘*давить → множество’ дает основания полагать, что данная модель является одной из продуктивных моделей семантической деривации не только в английском языке (Ср.: лексема *crowd*) [2; 3], а также является частной разновидностью более общей модели ‘действие деструктивное → множество’. Это также может способствовать решению этимологического вопроса о том, что происхождение лит. лексемы *minia* от русск. *много* является несостоятельной.

Заключение. Проанализировав деривационную активность семантики лексем с интегральной семой ‘множество’, можно прийти к выводу о том, что семантическая деривационная модель ‘действие → множество’ имеет унилатеральный характер, обладает потенциалом воспроизводимости не только в английском языке, а также литовском. Существует вероятность, что такой семантический переход может быть присущ другим языкам индоевропейской группы.

1. Traugott, E. C. Regularity in Semantics / E. C. Traugott, R. B. Dasher. – Cambridge University Press, 2005. – 364 p.
2. Бобрикова, Е. П. Прогностика аналогичных деривационных процессов у лексем со значением «множество» / Е. П. Бобрикова // сб. науч. трудов Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова. – 2016. – Т. 20. – С. 301-308.
3. Бобрикова, Е.П. Системный потенциал семантических деривационных моделей и внутренней формы / Е. П. Бобрикова // Вестник МГЛУ. «Филология». – 2018. – С. 75–83.
4. Кожина, А. А. Когнитивная лингвистика и этимология / А.А. Кожина // Т. Anstatt, B. Norman (eds.) // Die slavischen Sprachen im Licht der kognitiven Linguistik. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. – S. 179–196.
5. Зализняк, Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «каталога семантических переходов» / А. А. Зализняк // Вопросы Языкознания. – 2001. – № 2. – С.13–25.
6. Oxford English Dictionary [Electronic resource] / ed. by L. Brown (ed.-in-chief) [and others]. – Electronic data and programme (645 Mb). – 4th ed. – New York : Oxford University Press, 2007. – 1 CD-ROM; Online Etymology Dictionary [Electronic resource] / Douglas Harper. – 2001–2016. – Mode of access : <http://www.etymonline.com>. – Date of access : 20.04.2017.
7. Fraenkel, E. Litauisches Etymologisches Wörterbuch: 2 Bänder / E. Fraenkel. – Heidelberg: Carl Winter, 1962. – 1560 s.

БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА В ЗАПИСЯХ ПОЛЬСКИХ ЭТНОГРАФОВ

*Л.М. Вардомацкий
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Первого января 2019 года исполнилось 100 лет со дня официального создания белорусского государства. Однако политики, историки, этнографы, языковеды отмечают, что путь, пройденный белорусами к этой знаменательной дате, на самом деле длился еще минимум пять столетий, в процессе которых складывались элементы государственных атрибутов, общественных движений, внутри которых постепенно выкристаллизовывались ростки национального самосознания. И формирование национального языка в этом процессе, изучение его истоков, становления грамматической структуры и лексического состава, отражение в нем складывающегося национального менталитета занимает важнейшее место в понимании и научном осмыслении этого события. И в этом, в первую очередь, видится актуальность и практическая значимость исторических лингвистических исследований, которые, к сожалению, единичны в современном белорусском языкознании.

Цель данной работы – выявить и проследить развитие языковых форм, прежде всего, устойчивых словосочетаний, в структуре и содержании которых зафиксированы элементы мировосприятия, мироощущения народа на территориях, на которых постепенно формировалось будущее белорусское государство.

Материал и методы. Материал для исследования послужили записи, сделанные известными фольклористами, этнографами, языковедами XIX века, которых, прежде всего, интересовали этнографические особенности края, но записи и описания которых позволяют говорить и о языковых особенностях описываемых групп людей и территорий. Это работы П. Шпилевского, Г. Кулжинского, И. Носовича. Однако основная часть материала извлечена из этнографических записей польских исследователей белорусских земель Адама Киркора и Михала Федеровского. Анализ извлеченного языкового материала проводился методом сравнительно-историческим анализа с использованием метода исторической лингвистической реконструкции.